

ПОРТФЕЛЬ

Юрий ОСИПОВ

Личных вещей писателя дошло до нас очень мало. Их и было мало у того, чья жизнь пролетела в пути, на чужих квартирах, в не быта. Тем больше эти вещи значили для него. Они сопровождали Гоголя десятилетиями, многое видели, многое помнят. На них печать вкусов и привычек владельца, ответ его души. Они — прямые участники творческого процесса Гоголя, одного из сложнейших явлений мировой культуры.

Среди принадлежавших Москве гоголевских реликвий — потертый кожаный портфель, быть может, тот самый, в котором привозил сюда писатель последнюю редакцию «Тараса Бульбы» и «Портрета», «Мертвые души», «Тяжбу», «Рим», продолжая истово трудиться над ними здесь. Неразлучный спутник Гоголя, портфель, как бы перебрасывает мост овеществленной памяти между первым и последним его московским пристанищем на Никитском бульваре, в доме А. П. Толстого. Не раз отправлялся он с ним отсюда к Путятям в Мураново, в Калугу к А. О. Смирновой-Россет, в Бегичево, в Спасское, в аксаковское Абрамцево, где бережно хранится диковинное кресло-лягушка с выдвинутой подставкой для ног, в котором предпочитал спать Николай Васильевич.

Дорогой из портфеля часто извлекалась «подручная энциклопедия» — толстая конторская тетрадь под названием «Всякая всячина», куда бисерным почерком заносились обозначения неизвестных растений, встреченных в пути, и услышанные новые слова. Эту книгу юности, книгу надежд, начатую записями легенд, песен и пространными историческими штудиями, украсившую затем рукописный фонд Ленинской библиотеки, Гоголь увез мальчиком из имения дальнего родственника матери Д. П. Трощинского и не расставался с ней до смертного часа. Она — зеркало интересов и увлечений писателя на протяжении всей жизни.

Последние строчки легли на страницы «Всякой всячины» накануне трагического сожжения Гоголем в особняке на Никитском бульваре второго тома «Мертвых душ», уже полностью законченного и переребленного. «Подручная энциклопедия» осталась в портфеле, единственном свидетеле той страшной ночи. После смерти писателя портфель вместе с другими личными вещами Гоголя увезла в Васильевку его сестра Е. В. Быкова, передавая впоследствии эти реликвии Москве.

* * *

...Всю дорогу от Петербурга селся мелкий, наводящий тоску дождь. Не по-июньски холодный ветер гнал впереди возка низкие, хвостатые тучи. Гоголь кутался в шинель, однако ничто не помогало.

Добрался он наконец до Тверской заставы. Свежий номер «Московских ведомостей» сообщал, что дворцовая контора продает на Пресненских прудах «карасей отборных», а попечительский комитет императорского человеколюбивого общества вызывает желающих принять на себя «починку колодезя... в доме, пожертвованном комитету, на Маросейской улице». Тут же помещались объявления о продаже «душ», турецких шалей, карет, караковых жеребцов, «годных для господ офицеров». И какая-то безутешная коллежская асессорша истово зывала: «Умершего мужа моего дворовый человек Алексей Журило, 28 лет, росту... белокур, глаза серые... бежал».

Таков был заштатный день «столицы древней» летом 1832 года, когда сюда впервые приехал Гоголь.

Николай Васильевич направился в любимую гостиницу Пушкина — в дом Обера на Тверской.

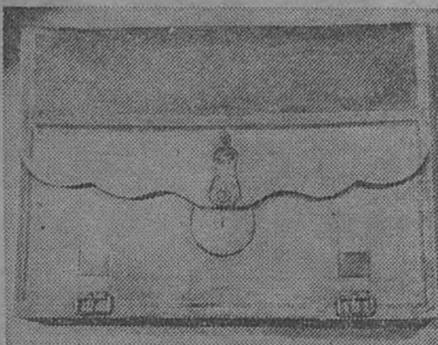
Первой его заботой было проверить портфель с рукописями (в другом было белое). Смолоду он питал пристрастие к дорогим, красивым безделушкам — затейливым застегивателям, брелочкам, ярким галстукам. С годами, в особенности после знакомства в Италии с аскетом и подвижником кисти Александром Ивановым, строго ограничил себя во внешнем комфорте, и лишь тонкая золотая цепочка часов поверх темного бархата жилета на поздних изображениях осталась застенчивой данью былым привязанностям.

Иное дело обувь. Николай Васильевич много ходил пешком, ноги у него нередко опухали, и он крайне ценил мягкие удобные сапоги; сам придирчиво выбирал для них кожу, ухаживал за ними и всегда держал в запасе ненюшеную пару. В ней его и похоронили.

Когда Александра Осиповна Смирнова преподнесла ему однажды изумительный портфель английской работы, Гоголь повертел его в руках и, со вздохом вернувшись, сказал: «Подарите лучше Жуковскому». Он шутил, что избавляется от собственных слабостей, наделяя ими своих геро-

ев, и, как никто, умел обставлять персонажей вещами.

Вспомним удивительную чичиковскую шкатулку, фрак «наваринского дыма с пламенем», ритуальную примерку новых сапог! А Коробочка, Плюшкин, Хлестаков, Подколесин... Едва ли не первым в нашей литературе Гоголь понял значение обиходной вещи для острой психологической характеристики человека, тогда как, скажем, у Жуковского вещь еще преимущественно знак памяти или позднее у Гончарова — объект осмеяния. Гоголь, впрочем, заставлял вещи служить и этим целям, но прежде всего они выявляют в его произведениях скрытые порой стороны человеческой натуры и живо характеризуют самого автора.



Отмеченные мемуаристами странные пуховые шляпы Гоголя, его неопикуемый зеленый плащ, бабы капоры и кокошники, в которые он вдруг мог нарядиться, встав с пером за конторку и на разные голоса пробую вслух реплики героев, — все эти «причуды гения», равно как и нарочитая демонстрация «особых» рецептов приготовления итальянских макарон, гоголемоля («Гоголь любит гоголь-моголь», — приговаривал он при этом), «Бенкендорфа» — то есть жженки с голубым пламенем под цвет жандармских мундиров — позволяли художнику мистифицировать не в меру любопытных и одолевая природную робость, примеряя различные актерские личины...

На такие вот размышления наводит скромный гоголевский портфель в экспозиции Государственного музея А. С. Пушкина. А сколько волнующих историй связано с ним, сколько имен и судеб!

* * *

Радушный дом Щепкина у Каретного ряда, в Спасском переулке, сделался для Гоголя одним из любимейших уголков в его долгих прогулках по Москве. Случалось, приносил он сюда в заветном портфеле новую комедию и читал ее труппе Малого театра, показывая актерам, как именно нужно им исполнять ту или иную роль. Щепкин считал, что Гоголь обладал непревзойденным сценическим дарованием, а С. Т. Аксаков, вспоминая чтение Гоголем «Женитьбы», пишет: «на сцене... эта комедия не так полна, цельна и далеко не так смешна, как в чтении самого автора».

* * *

Огромный запущенный погодинский сад искрился каплями росы.

Сегодня — 9 мая 1840 года, день именин Гоголя, и по этому поводу в липовой аллее уже накрывают праздничный стол с букетами сирени, вином от Дюпре, холодными закусками и сладким пирогом, начиненным цукатами, — шедевром надменного Порфирия из Купеческого клуба.

Первый именованный обед Гоголя в доме Погодина на Девичьем поле положил начало традиции и запомнился надолго.

Гости стали съезжаться рано. Вот показалась на ступеньках крыльца статная фигура Александра Ивановича Тургенева. Блеснули насмешливые очки Вяземского. Под руку с Екатериной Михайловной, сес-

трой поэт Языкова, простествовал философ-поэт Алексей Степанович Хомяков. Прибыла в сопровождении сыновей, известных литераторов братьев Киреевских, Авдотья Петровна Елагина, племянница Жуковского. Щепкин, облокотившись о перила веранды, поддразнивал младших Аксаковых...

Гоголь признал в направляющемся к нему по дорожке армейском поручике Лермонтова.

Они обменялись парой незначущих фраз, а спустя некоторое время гости, которые разбрелись после обеда по саду, нашли их на скамейке у пруда. Между ними лежал открытый портфель Гоголя, и Николай Васильевич убрал в него какие-то листки. Потом Лермонтов читал Гоголю отрывок из «Мцыри»...

На следующий день они встретились вновь на вечеру у Свербеевой. И опять при первой удобной возможности уединились. А. И. Тургенев упоминает об их долгой ночной беседе.

Свидеться больше им было не суждено. Лермонтов отправлялся на Кавказ, Гоголь — в Рим. И горестной эпитафией прозвучали оттуда его слова, посвященные лермонтовской прозе: «Никто еще не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой... готовился будущий великий живописец русского быта... Но внезапная смерть вдруг его от нас унесла. Слышно страшное в судьбе наших поэтов».

* * *

...Итак, у него отнимают последний кусок хлеба: он влез за границу в долги, надеясь расплатиться с издания «Мертвых душ». И вот теперь его поэма, которой он отдал семь лет жизни и в которой отныне заключен весь смысл его существования, не увидит свет! Осталась одна надежда — Белинский. Пусть забирает рукопись в Петербург и постарается там уломать цензуру.

И надо же такому приключиться в Москве, куда «едешь прямо домой, а не в гости», в Москве, которую он называл своей родиной, где неоднократно находил бескорыстную помощь, откуда пошла его литературная известность!

А ведь как рвался когда-то юношескими мечтами на берега Невы. Боролся, верил. Обрел Пушкина, Жуковского... И все же неотвязная нужда, нетопленные углы, неудавшееся профессорство и — главное — яростная травля «Ревизора» окончательно заслонили ему великолепие северной столицы. «Бездушен, как сам Петербург», — повторял он впоследствии. «Невский проспект — чудо, так что перенес бы его, да Неву, да несколько человек в Москву», — обмолвился Николай Васильевич Белинскому, встретившемуся с ним в 1839 году в Петербурге.

Роковая петербургская премьера «Ревизора» надломилась жизнь писателя, обрекла на заграничные скитальчества. «Теперь передо мною чужбина», — обращается он 22 сентября 1836 года из Женевы к Погодину, — «вокруг меня чужбина, но в сердце моем Русь...» И год спустя добавляет: «Ни одной строки не мог посвятить я чудному. Непреодолимою цепью прикован я к своему».

Он отменно рисовал (пробуя даже состязаться с таким признанным рисовальщиком-любителем, как Жуковский) и боговорил архитектуру, видя в ней извечный идеал гармонии искусства, к которому мучительно стремился в поздние годы. Листы его «подручной энциклопедии» испещрены доскональными чертежами и рисунками фрагментов всевозможных архитектурных памятников, поразивших Гоголя в путешествиях.

Столь же пылливо изучал он образцы московского зодчества, рылся в книгах по истории Москвы, не закрывая, впрочем, глаза на отрицательные стороны современной ему московской действительности. Они получили отражение в «Мертвых душах» и других произведениях писателя.

Примечательно, что, чуждаясь, за исключением Рима, больших, шумных городов (так, например, на него произвел удручающее впечатление Париж), Гоголь охотно сливался с бурлящей московской толпой, чтобы затем внезапно нагреть к кому-нибудь из приятелей.

И вот теперь он ехал в Белинскому, на верное, самому близкому ему по духу человеку, который раньше всех (еще до появления «Ревизора») во всеуслышание объявил его «главой литературы». И это ведь тоже произошло в Москве!

...Впереди на холме замаячили освещенные окна стоявшего особняком дома Василия Петровича Боткина, даровитого литератора из московских купцов.

Белинский сам открыл ему и провел из сеней в жарко натопленную комнату.

Они долго говорили с Белинским. Когда Гоголь покинул боткинский дом, долго еще мерцало свозе причудливый перелет голых ветвей окошко одинокого флигеля...